

ЛЕВ КОТЮКОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

К выходу в свет книги стихотворений И. И. Переверзина “Грозовые крылья”

Мы все – пришельцы из мира иного, но и в мире ином мы – вечные пришельцы. Мы – вечные странники! Но наши души, наша общая душа, сотворённая любовью, – родина Земли. Без нас, без нашей жизни и любви Земля перестанет быть Землёю и обратится в безымянное пространственное ничто, не существующее во времени и вечности.

Отцветает дикий шиповник близ тихой реки, и следа не осталось на щеке от укола тёмно-зелёного шипа. А душа болит, плачет, скорбит душа, и почти засохла уколывшая тебя когда-то молодая цветущая ветка. Но вновь расцветут сады, вновь запоют птицы, когда найдёшь дорогу к отчему дому.

Тысячи дорог ведут в необъятный мир из родного дома, но только одна дорога приведёт тебя на родину. И воссияет в душе незримый свет любви, и откроется Миру душа поэта:

*Пишу не потому, что это
дано — судьбой, а потому,
что верю в тяжкий путь поэта,
ведущий к свету через тьму.*

Книга замечательного русского поэта Ивана Переверзина “Грозовые крылья” открывает читателю тайны жизни и смерти, любви и предательства, тайны вечности. Ибо вечность в наших душах. Тысячелетие за тысячелетием надвигается, обрушивается на нас время, и каждая человеческая жизнь, прожитая и непрожитая, противостоит его чудовищной энергии.

Но, о, как тяжело давление времени, как хрупок и ненадёжен скафандр человеческого сознания! Гасит холодный ветер одуванчики свеч, с каждым мигом мы всё глубже погружаемся в бездонные, огненосные глубины жизни. Дай-то Бог, если давление времени раньше срока не разорвёт нас, не обратит нас в ничто без имени, без памяти, без любви. От любви не надо требовать добра, нужно самому отвечать за свою любовь перед жизнью и смертью.

*О смерти молчу, потому что в ней,
как в жизни, смеются и плачут,
только, пожалуй, чуть-чуть страшней,
но это немного и значит.
Прощай! И скорей обо мне забудь,
и всё, что сказал, — тем боле.*

*У каждого свой единственный путь,
и каждый волей — неволен...*

Поэзия — это единственный путь Божественного проявления Любви в отчем Слове. Оно чуждо тем, кто не помнит вкуса родниковой воды, кто не в состоянии отличить её от профильтрованной водопроводной, кто живёт и гордоносно утешается так называемой второй природой, стеклотарной блескучестью банковских офисов и ползучими чёрными квадратами микрорайонов.

Иван Переверзин родом из далёкой Якутии. Человек нелёгкой судьбы, он не склоняется перед жёсткими штормами эпохи — никогда не предпочтёт сиюминутное вечному. Он — истинный поэт, и нет для него последних времён, нет последней строчки.

*И полетят деревья в небо,
не отрываясь от корней,
в преддверии дыханья хлеба
с туманных утренних полей.*

*Потом рассветные синицы,
и красногрудки, и чижи
сумеют песнею пролиться
в бессмертном выдохе души.*

Стихи Ивана Переверзина — исповедь души настоящего русского человека, исповедь открытая и сокровенная. Как бы ни талдычили горе-”рыночники” о коммерческой убыточности поэзии, Россия без стихов — это уже не Россия. И всё явственней чудовищная самоубыточность сих околотитературных самозванцев. И всё явственней негасимый свет русского слова.

Идёт непримиримая борьба Числа и Слова! И похоже, что сейчас власть Числа (Числа Зверя — если быть точным!) над миром почти достигла высшей отметки. Число правит миром через нуль, множит на этот чёртов нуль всё — от единицы до бесконечности.

Россия — страна печали, ибо слишком убыточна жизнь на её ознобных просторах, в её безумных глубинах и теснотах. И борются с великой печалью угрюмые обитатели российских пространств с помощью водки: под заборами, в подворотнях, в подъездах, на тесных кухнях — где придётся, и небезуспешно борются. И лишь поэт не бежит от печали, ибо не дано человеку убежать от самого себя.

Но рождаются в сердце поэта

*После долгого молчанья,
после долгой немоты
все слова — как восклицанья
при явленье красоты.*

*И готовы уж потоком
хлынуть без оглядки в стих...
только я ведь перед Богом
буду отвечать за них...*

И отвечает Переверзин перед Богом и Вечностью не только за себя, но и за всё своё поколение. Рождённый в середине пятидесятых, он не стал частью советского поэтического мейнстрима, — того поколения 30–40-х годов рождения, которое беззастенчиво пользовалось возможностями идеологического проталкивания своего рифмоплётства в периодику, государственные издательства. А нынче вроде бы и не с руки примыкать к нарождающемуся сонму агрессивных интернет-графоманов. Так и выросло поколение поэтов в “затопе времени”, к которому принадлежит и Иван Переверзин. Поколение, не услышанное массовым читателем.

Ну и что с того? — скажу я, ведь мнимая власть над временем строчконогов прошлого и графоманов будущего, над деньгами в силу несокрушимого человеческого дебилизма обернётся заурядным заложничеством. Понаделают они армады новых машин, надувают новые финансовые пузыри — и снова нач-

нётся... О, такое начнётся, такая круговерть, что все предыдущие войны и революции померкнут, всё померкнет, и Господь волей-неволей вынужден будет прекратить это безобразие. Это и будет настоящий конец истории. Не социально-экономический, а метафизический. Господь вернёт время к своему истоку. Сначала оно обвалится, сметая всё, потом потечёт вспять: мёртвые восстанут из гробов, станут юношами, детьми, младенцами, переживут смерть как рождение... Поколение за поколением, до Адама и Евы. А потом?! Потом начнётся всё вновь, недаром сказано Господом: "Творю всё заново". И Бог опять отпустит время в путь с надеждой на человека, с надеждой, что когда-нибудь он станет достоин Божьего одиночества. И так с надеждой до бесконечности, поскольку у Бога ничего нет, кроме надежды, в отличие от нас, верующих в Него. И, может быть, когда-нибудь в бесконечном круговороте времён эта надежда сбудется!..

Потому и помнит об этом Иван Переверзин, потому рвёт свою и читательскую душу, ибо у каждого поколения, даже не услышанного, есть шанс вернуть своё время и отсрочить конец истории.

*И мы, несслыханные грешники,
в ушанках, сдвинутых на лоб,
увидим, как легко подснежники
в ложбину сдвинули сугроб.*

Но несутся по-прежнему сквозь время поезда нашей жизни: мимо вечерних огней, мимо тёмных опадающих рощ и перелесков, мимо родины и чужбины. И, может быть, само время, движимое чудовищной вселенской энергией, гигантским незримым облаком пронесится мимо вмёрзших в чёрные рельсы составов. И все мимо друг друга, мимо себя, неведомо зачем и во имя чего, — но мимо, мимо, мимо!.. И не надышаться горечью рябиновой листвы, свежей сырьё леденеющей осоки, тёплой сладостью последнего костра у дрожащей, замерзающей воды.

*И, стало быть, не всё пропало,
и я без слёз не пропаду,
вот только жить начну сначала
у жизни старой — на виду.*

Через слёзы, через борьбу, когда поражения неотличимы от побед, а друзья вдруг становятся врагами, через соперничество смыслов с массовым помешательством, шаг за шагом поэту удаётся отыскать тот единственный в жизни путь к истинному обретению Родины.

Иван Переверзин — поэт прямого открытого стиля, и в этом он следует традициям Михаила Исаковского, Павла Васильева, Бориса Корнилова. Он — из их плеяды и по ярости жизни, и по мироощущению. Они были оклеветаны коллегами, стали жертвами информационного, литературного и государственного террора, а Павел Васильев и Борис Корнилов даже заплатили за это и своими жизнями.

Но несёт свой крест русский Иван, крест поэта, которому в бессильной злобе завидуют бесталанные неудачники. И терпит унижение завистью и непониманием. Сколько ни твори добродетелей, сколько ни отдавай себя писательскому братству, заботясь о благе и благополучии коллег по цеху (а Иван Переверзин руководит Литературным фондом России), результат один — чёрная зависть и доносы.

Но, слава Богу, на дворе не 37-й год, а времена, хоть и яростные, но власть не идёт на поводу у доносчиков. И несёт свой тяжкий крест поэта и руководителя простой якутский мужик Иван Переверзин — борец за Родину, за права писателей, но не в декларациях, как многие так называемые патриоты, а на деле.

*Ах, за что мне такая награда?
Или я в самом деле прошёл
все круги распроклятого ада, —
и свой мир наконец-то нашёл.*

Потребительское отношение к таланту в России доходит до безобразия. И всё равно потребители ещё чего-то требуют. И очень часто потребители об-

ращаются в завистников. И вспоминается мне литературная поговорка “Мы не от старости помрём, от зависти помрём”. Но стоически идёт Иван Переверзин той единственной дорогой, что ведёт его и Россию к Богу, и не требует ничего взамен ни от поэзии, ни от друзей, ни от недругов.

*Если срок подойдёт, помяните добром
и простите грехи, коль были.
Если ставил вопрос — то всегда ребром,
я любил — и меня любили.*

*Но когда-нибудь грянет кленовая медь,
и простятся друзья со мною.
Но страшной моей смерти — родниковая смерть,
там бессмертье моё земное.*

В вечности нет условного деления на прошлое, настоящее и будущее, в ней всё существует одновременно, подобно истории земной в нашем сознании. Но одновременность вечности есть творческая бесконечность, где каждое мгновение неповторимо, где всё рождается заново и повторяется, не повторяясь.

*Но — сердцем удержи слезу, —
и одолей, как боль, бессилье,
ведь если жизнь несёт грозу,
то смерть душе дарует крылья...*

Истинная трагедия любого человека — в любви, ибо жаждущих быть любимыми многократно больше, чем способных на любовь. Истинная любовь есть мгновение и вечность, она не знает времени от и до, без любви мы мертвы в этой жизни, и нет для нас жизни иной.

Будучи многолюбивым в молодости, Иван Переверзин испытал всю сладость греховных страстей и всепроникающую пустоту души, не озарённой истовой любовью.

И вот в зрелости, когда ему открылся единственный путь, он стал непритворным и настоящим однолюбом. Его любовь обрела верность, ибо всё проходит, кроме любви, ибо вечность крепится любовью и не существует без любви.

Иван Переверзин — поэт широкого дыхания, он владеет тайнами самоцветного русского слова, звучна и летуча его речь, ярки и объёмны его жизнеутверждающие образы. И думается мне, что Ивана Переверзина по праву можно назвать одним из ведущих поэтов новой русской волны начала XX века, что поэтическая звезда его будет всё ярче сиять на небосводе отечественной поэзии.